

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ИОСКЕВИЧ
(Гродно, Беларусь)

**Аксиологический релятивизм понятий «норма»
и «отклонение» и его проявление в литературе переходных эпох**

Аннотация: В статье рассматриваются понятия нормы и отклонения, выявляется специфика их содержания. Подчеркивается, что данные понятия относительны и определяются рядом социокультурных и исторических факторов. Аксиологический релятивизм понятий нормы и отклонения наиболее ярко проявляется в переходные эпохи в истории человечества, когда происходит смена культурных парадигм и активизируются процессы освоения новых сфер человеческого существования, новых знаний о мире и человеке. В свою очередь, интенсивность осмысления этих понятий в литературе провоцирует поиск новых жанрово-стилевых решений и повествовательных стратегий для реализации нормы и отклонения в художественном произведении.

Ключевые слова: норма, отклонение, релятивизм, ментальный кризис, переходная эпоха

Понятия нормы и отклонения являются значимыми как для отдельного человека, так и для сообщества людей; научный интерес к норме и отклонению от нее (аномалии, патологии, девиации) проявляют представители самых разных дисциплин, как гуманитарных, так и естественнонаучных: филологи, культурологи, социологи, антропологи, философы, психологи, психиатры, биологи и многие другие. Различные проявления нормы и отклонения являются объектом постоянного творческого осмысления писателей, художников, музыкантов.

Подобная значимость оппозиции «норма – отклонение» коренится в глубочайшей древности и связана со спецификой мифологического сознания. Окружающий мир издревле воспринимался человеком как система противопоставлений, затрагивавших все сферы его бытия: время, пространство, общество, природу, семейные отношения и др. В мифологической картине мира «нулевой точкой отсчета» служил Хаос: вводя в него основные признаки-противопоставления (тьма – свет, ночь – день, низ – верх, мужское – женское, своё – чужое и т. д.), человек постепенно упорядочивал Хаос и преобразовывал его в Космос. Мир описывался и в то же время моделировался системой основных содержательных двоичных противопоставлений (т. е. бинарных оппозиций), определявших пространственные, временные, социальные характеристики. К таким основополагаю-

щим противопоставлениям, которые сохраняют свою актуальность на протяжении всей истории человечества, закономерно отнести оппозицию «норма – отклонение».

Вместе с тем, дать определение норме достаточно сложно: это многоаспектный феномен, семантическое поле которого постоянно расширяется, вбирая в себя новые смыслы и трактовки: «Область нормы крайне широка; между нормой и тем, что ею не является, нет ясной границы» (ИВИН 2004: 668). Кроме того, понятие нормы является актуальным для самых разных сфер жизнедеятельности человека. Эти факторы определяют дискуссионность рассматриваемого понятия.

Ещё в античной философии наметились две основные линии в понимании нормы. Так, Аристотель предлагал понимать под нормой нечто среднее между «избытком» и «недостатком». К середине же, «заслуживающей одобрения», он относил такие качества, как щедрость, благородство, уравновешенность (АРИСТОТЕЛЬ 1984: 137). В то же время Протагор в качестве основной единицы измерения нормы определял человека с его достоинствами и недостатками, ибо именно «человек есть мера всех вещей» (СКИРБЕКК 2003: 68).

Эти две линии в осмыслении нормы сохраняются с некоторыми изменениями и в настоящее время. В переводе с латинского языка «норма» (погма) – это правило, образец, предписание. В философии одно из наиболее распространенных определений нормы является следующее: «предписание, разрешение или запрещение действовать определенным образом» (ИВИН 2004: 668).

Как отмечает Е.В. Змановская, в естественных и общественных науках норма понимается как «предел, мера допустимого для сохранения и изменения систем» (ЗМАНОВСКАЯ 2008: 17). При этом понятие нормы теснейшим образом связано с понятием отклонения или аномалии, что проявляется и в попытках дать норме научное определение. Так, в психологии наиболее простым и распространенным подходом к определению нормы является негативный подход, согласно которому, нормальный (или здоровый) человек – это тот, у кого отсутствуют аномалии. Например, в словаре-справочнике по психологии М. Кордуэлла нормальность определяется как «отсутствие симптомов психического расстройства или иных видов психологической дисфункции» (КОРДУЭЛЛ 2000: 194); в данном определении норма представлена как показатель психического здоровья человека в противопоставлении к состоянию болезни. Нормы поведения психологами понимаются как «способы мышления и поведения, принятые в данном обществе и разделяемые большинством его членов» (КОРДУЭЛЛ 2000: 195), и противопоставляются девиантному поведению, которое этим нормам не соответствует (ГОЛОВИН 2001: 509). Поведенческие нормы неразрывно связаны с целой системой норм социальных как «конвенциональных [...] правил, предписывающих или запрещающих какое-либо поведение, деятельность, действие» (МЕЩЕРЯКОВ 2003: 318).

Размышляя над проблемой определения нормы, В.П. Руднев указывает на ее «неуловимость»: «...норма неуловима именно потому, что она норма, а не отклонения от нее. [...] Норма – это нечто среднее, не экстравагантное, торжество здравого смысла, „безмятежное пребывание среди вещей”, и, стало быть, гармония между вещами и словами, между фактами и выражающими их высказываниями, между означаемым и означающим» (РУДНЕВ 2005: 170).

В то же время, отклонение определяется как несоответствие норме, правилу, закономерности. От нормы отклонение отличается тем, что это «всегда феномен, явление необычное, особенное» (НЕФЕДОВА 2000: 55).

Итак, норма – понятие многозначное и вместе с тем относительное, способное меняться в зависимости от исторических и социокультурных факторов. При всей относительности понимания нормы и отклонения очевидно, что одно не существует без другого и каждый из членов оппозиции обуславливает содержание другого.

Тезис об относительности нормы и отклонения не всегда был столь очевиден, как в настоящее время, и произвел в момент своего появления настоящий переворот во взглядах на природу психической болезни. Мысль об аксиологическом релятивизме нормы и отклонения позволило продемонстрировать этнографическое исследование. В статье американского антрополога Рут Бенедикт «Антропология и ненормальное» (1934) на обширном этнографическом материале рассматриваются представления о норме и патологии у индейцев. Пытаясь ответить на вопрос, являются ли представления о норме и патологии универсальными, Р. Бенедикт пришла к выводу о том, что базовые представления о нормальном и ненормальном, характерные для западноевропейского общества, не актуальны для других культур. Некоторые типы поведения, которые, в понимании европейца, являются признаком серьезных психических расстройств (например, состояние транса или каталепсии), представителями других культур считаются знаком избраннычества. Например, у индейцев шапта симптомы психического расстройства отождествляются со сверхъестественными способностями, с причастностью человека к некому таинственному знанию, что позволяет ему получить статус шамана.

На основе этих наблюдений Р. Бенедикт сделала вывод о том, что психическая норма полностью определяется традициями данной культуры. «Нормальность определяется культурой; этот термин обозначает социально разработанный сегмент человеческого поведения в отдельной культуре, а аномальность – термин для сферы поведения, которая не используется в данной культуре» (BENEDICT 1934: 73).

При этом, как справедливо отмечает Бенедикт, представления о норме могут различаться не только в разных культурах или сообществах, но и в рамках одной цивилизации в разные эпохи. Так, в Средние века «экстатический опыт» расценивался как признак святости; однако, с точки зрения представителя современной культуры, некоторые моменты жизни

святого (например, самоистязание, отказ от земных благ, повторяющиеся побег из дома с целью уйти в монастырь и т.п.) могут трактоваться как проявления ненормальности (BENEDICT 1934: 60).

На наш взгляд, проблематизация понимания нормы и отклонения, попытка переосмысления этих понятий наиболее актуальна для переходных эпох в истории человечества, когда происходит смена культурных парадигм и активизируются процессы освоения новых сфер человеческого бытия, новых знаний о мире и человеке.

Перспективной видится концепция В.И. Тюпы, который в работе «Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике» (опираясь на труды Л.С. Выготского «История развития высших психических функций» и П. Рикёра «Конфликт интерпретаций», а также на идеи историков Ж. ле Гоффа, Р. Мандру и др.) предлагает рассматривать историю человеческой цивилизации и становление индивидуальной личности как смену четырех «фундаментальных состояний человеческого духа» («модальностей самоидентификации субъекта») или иначе – **типов сознания**:

1. Роевой Мы-менталитет (статусно-роевое, анонимное сознание) представляет собой дорефлективную самоидентификацию индивида с некоторой общностью индивидов: субъект жизни как «один из многих».

2. Ролевой Он-менталитет (нормативно-ролевое, авторитарное сознание) предполагает отношение к самому себе как бы в третьем лице: самоидентификацию индивида с некоторой сверхличной заданностью – с ролью в миропорядке, с функцией сакрально-онтологической структуры бытия (долгом, предназначением).

3. Дивергентный Я-менталитет (автономное, радикально индивидуализированное сознание) обозначает самоидентификацию личности с содержанием собственного сознания: «я» как «единственный».

4. Конвергентный Ты-менталитет (радикально диалогизированное сознание) предполагает способность «я» мыслить себя во втором лице: как «ты» для окружающих, как «разного для разных» (ТЮПА 2010: 22–25).

Исторический переход от одного типа сознания к другому проявляется в «смене ментальных матриц» (НАЗАРЕТЯН 2007: 135), регулирующих понимание мира и человека, и, вместе с тем, порождает ситуацию «ментального кризиса» (определение В.И. Тюпы).

Можно предполагать, что проблематизация понятий норма и отклонение в литературных произведениях переходных эпох представляет собой отражение ментального кризиса, а сами произведения выступают как «текстуальные манифестации духовной жизни социума», реализующие «коммуникативные стратегии, определяемые принадлежностью к культурной парадигме» (ТЮПА 2010: 47).

Соответственно, как **отклонение от нормы** квалифицируется такая модель поведения, которая предъявляет носителям уходящего в прошлое менталитета новые взгляды и новые поведенческие установки. С этой точки зрения становится понятным, почему оппозиция «норма – отклоне-

ние» актуализируется в литературе именно переходных эпох, когда происходит смена одного типа самоидентификации личности другим.

Переходность исторической эпохи, когда, с одной стороны, происходили изменения в исторической и мировоззренческой ситуации, с другой стороны, новое знание о мире и человеке сталкивалось с традиционными представлениями, обуславливает неоднозначность и многообразие интерпретаций понятий «норма» и «отклонение» в литературе.

Норма и отклонение, представленные в художественном произведении, как правило, обусловлены литературным и культурно-историческим контекстом, а также особенностями мировоззрения автора. Формы выражения отклонения от нормы в литературе многообразны: это безумное / неразумное, странное, таинственное, ужасное (страшное), безобразное, абсурдное, – одним словом, всё, что относится к сфере иррационального и выходит за рамки постижения человеческим разумом.

Для каждой переходной эпохи с ее «многослойностью самого исторического бытия», «культурной неопределенностью» и в целом – тотальным «изменением диапазона культурно-исторических смыслов» (ЧЕРНЯК 2013: 18) характерен выраженный аксиологический релятивизм. Различия ценностных противоположностей снимаются, ценности меняются местами с их антиподами: добро – зло, прекрасное – безобразное, норма – отклонение и др.

Понятия нормы и отклонения являются сквозными для русской литературы, где они представлены, прежде всего, в переходные эпохи (романтизм, модернизм и постмодернизм), для которых характерны культурные и ментальные сдвиги. Уточним, что здесь имеется в виду мегакультурная ментальность, «свойственная целым историческим эпохам» (ТЮПА 2010: 20).

Так, на рубеже XVIII–XIX вв. в западноевропейской культуре происходит смена ментальных матриц. В России этот процесс начинается позже – в 10–20-е гг. XIX в. Смена ментальных матриц обуславливает возникновение ментального кризиса, проявляющегося, прежде всего, в «распаде привычной картины мира» (ТЮПА 2010: 30), вслед за чем осуществляется переход от нормативно-ролевого сознания к культуре дивергентного Я-менталитета и постепенное становление нового типа индивидуальной личности. С разрушением привычной, устоявшейся системы мировоззрения и формированием новой меняются представления о мире и человеке. Разум утрачивает свои ведущие позиции в постижении и объяснении действительности; напротив, в этот период приходит осознание того, что далеко не всё в этом мире может быть объяснено рациональным путем и, соответственно, в обществе актуализируется интерес к иррациональному. Тема безумия становится одной из центральных в литературе этого периода.

Повесть Антония Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), созданная в переходную эпоху, на стыке различных по

своему характеру типов сознания и, соответственно, на стыке культурно-исторических эпох и литературных направлений, в полной мере отражает мировоззренческую драму поколения, обусловленную «кризисом идентичности» (ТЮПА 2010: 30). Первым проявлением этого кризиса становится авторское сомнение в правильности понимания мира. А. Погорельский обращается к сфере иррационального, метафорой которого становится безумие.

В основу произведения Погорельского положена фантастическая ситуация: в гости к герою повести, Антонию, по вечерам приходит его собственный двойник, с которым он ведет дискуссию о таинственных явлениях жизни. Примечательно, что Антоний объясняет их наличием потустороннего мира, временами вторгающегося в реальную жизнь, а Двойник, сам являющийся порождением иррациональной сферы, считает, что большая часть необычных явлений может быть рационально объяснена. Появление Двойника может объясняться безумием Антония, однако, на наш взгляд, продуктивно рассматривать его в русле традиции романтизма, где двойник, как и двойничество в целом, является символом дисгармонии человека и мира, выражением краха целостной системы мироздания, которая была присуща просветителям. Предложенный А. Погорельским вариант двойничества сигнализирует о ситуации неуверенности в адекватном понимании мира, в которой оказался человек переходной эпохи, когда проблематизируются возможности рационализма как способа познания мира.

В состав повести входят четыре новеллы, в каждой из которых есть герой-безумец. Однако в описании сумасшествия своих героев А. Погорельский не идет далее констатации странности их поведения, что подтверждает мысль о понимании им безумия как метафоры душевного потрясения, вызванного наличием таинственных явлений в жизни, а также позволяет рассматривать безумие в повести как форму художественной условности, как средство психологической мотивировки фантастического. Все новеллы выполняют иллюстративную функцию: они призваны доказать состоятельность выдвигаемых собеседниками тезисов о возможности либо невозможности постижения мира.

Важную роль в реализации авторской концепции повести Погорельского играет дискуссия Антония и Двойника о природе таинственного и непознаваемого. На протяжении произведения повествование колеблется между двумя полюсами: рациональным объяснением всего происходящего и верой в непознаваемое, иррациональное. Автор декларирует мысль не только о равноценности рационального и иррационального, нормы и отклонения, но и об их тесном переплетении, что проявляется и в образе Двойника-рационалиста (он сам – отклонение от нормы), и в его размышлениях об уме. Безумие (в широком смысле – как все иррациональное), отодвинутое на задний план эпохой Просвещения, в повести Погорель-

ского признается равнозначным уму способом истолкования мира, само оставаясь при этом непознаваемым.

Параллельно с переживанием и осмыслением смены научной парадигмы, которая происходит на рубеже XVIII – XIX вв. и артикулируется как противостояние рационалистического и иррационалистического способов познания мира, в 20-30-е гг. XIX века в России обозначился и кризис нормативно-ролевого Он-менталитета: начался переход от признания иерархического устройства общества и своей роли в миропорядке, регламентированности социального поведения к осознанию суверенности и центрального положения своего «я» в мире, а значит, к противопоставлению себя миру.

Процесс формирования Я-менталитета был длительным и имел разные проявления в элитарном и массовом сознании. Важно, однако, отметить, что во всех случаях поведение человека, противопоставлявшего свое Я-сознание ролевому Он-менталитету, воспринималось как отклонение от общепринятой нормы поведения и квалифицировалось как безумие. Ранней формой осмысления данного феномена было так называемое романтическое безумие. Одним из первых к такой постановке проблемы обратился Н.А. Полевой в повести «Блаженство безумия» (1833).

В центре произведения – фигура героя-безумца, противопоставленного окружающему его миру. В исследованиях литературного наследия Н. Полевого доминирующим является понимание безумия главного героя повести Антиоха как «истинного проявления мудрости и откровения тайн бытия» (КАНУНОВА 1974: 274), менее распространённым – как «едва ли не клинического случая сумасшествия» (ФАУСТОВ 1998: 29). На наш взгляд, безумие Антиоха – это не столько заболевание психики (хотя у Н.А. Полевого, несомненно, разрабатывается и этот аспект), сколько метафора, выражающая характерное для литературы романтизма противопоставление «я» героя толпе. В семантическое поле этой метафоры входит понимание безумия как духовной свободы.

Идея об относительности нормы и отклонения реализуется в повести Н. Полевого за счет специфики перспективации, в основу которой **положен принцип антитезы**, реализующийся путем введения на каждом уровне повествования представителей противоположных (обыденного, определяемого Он-менталитетом, и романтического, определяемого Я-менталитетом) типов отношения к жизни и способов познания (рационального и иррационального).

Для повести «Блаженство безумия» характерна многоуровневая структура нарратива и многосубъектная система повествовательных инстанций. Первый уровень повествования – рассказываемая первичным нарратором история чтения и обсуждения новеллы Э.Т.А. Гофмана «Повелитель блох». Второй уровень – история о безумце Антиохе, рассказываемая его другом Леонидом. Третий уровень – история жизни Антиоха, поведанная им самим Леониду.

Так, в первичной наррации повествование ведется с перцептивной и идеологической точки зрения нарратора-рационалиста, утверждающего, что «безотчетное чувство есть низшее чувство» (ПОЛЕВОЙ 1986: 91). Ему противопоставлена позиция Леонида – приверженца иррационального постижения смысла бытия. Во вторичной наррации Леонид, рассказывая историю Антиоха, противопоставляет свою оценку поведения героя и оценку с позиции Он-сознания, которое отождествляет мечтателя и безумца. Симпатии Леонида всецело на стороне Антиоха, хотя первоначально любовь Антиоха к Адельгейде воспринимается Леонидом как болезнь, как отклонение от нормы. Но с перцептивной и идеологической позиции самого Антиоха как носителя романтического Я-сознания, его любовь к Адельгейде – это вовсе не безумие, а магическая сила, позволяющая прикоснуться к изначальному смыслу бытия.

Уже в рамках вторичной наррации происходят изменения в оценочной позиции Леонида: он выступает как человек, приобщенный к идеям «бесконечного» мира, и с этой позиции безумие воспринимается им как блаженство. Так, с помощью изменения перцептивной и оценочной позиции вторичного нарратора автор утверждает идею торжества «бесконечного» мира над «конечным», безумия – над «мудростью света» (ПОЛЕВОЙ 1986: 96).

Постепенно изменения происходят и в перцептивной позиции первичного нарратора, выполняющего в финале повести функцию уже нейтрального наблюдателя, не дающего оценки услышанной истории. Носителем обыденного Он-сознания здесь выступает одна из слушательниц – веселая девушка. Однако последнее слово остается за Леонидом, благодаря чему финал повести становится гимном «высокому» безумию.

Таким образом, своеобразие перспективации в «Блаженстве безумия», проявляющееся в постоянном противопоставлении обыденного и романтического типов сознания, способствует выражению авторского понимания безумия как духовного освобождения и формы истинного знания, приобщающего к высшим сферам бытия, а также отражает идею об аксиологическом релятивизме понятий норма и отклонение.

В.И. Тюпа связывает открытие Другого «я» с реализмом и указывает, что к концу XIX века в русской культуре назревает «очередной ментальный кризис – кризис воображающего свои миры Я-сознания» (ТЮПА 2014: 15). Весь «длинный» XX век, который начался ранее 1901 года и, по-видимому, еще не завершился, представляет собой «эпоху длительного ментального кризиса», озаменованного «нищезанством, символизмом, покаянным эгоцентризмом Блока, постсимволистским разбродом художественных практик, фрейдовским психоанализом, а социально-политически – первой мировой войной и Октябрьской революцией» (ТЮПА 2014: 15). Исследовательское внимание отныне, как и писатель-

ские практики, концентрируется на языковом, телесном, нормативно-патологическом аспектах существования человека.

Ментальные изменения, происходящие в этот переходный период, неизбежно влекут за собой смену ценностной парадигмы, в рамках которой происходит переосмысление понятий «норма» и «отклонение» и интенсифицируются связанные с этим переосмыслением поиски новых нарративных стратегий художественной реализации нормы и отклонения в литературе.

Показательным с этой точки зрения является одно из самых ярких и необычных произведений рубежа XIX–XX вв. – роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1902). Это «пограничное» произведение «золотого» и «серебряного» века русской литературы, в котором элементы поэтики реализма и символизма причудливо соединяются и взаимодействуют.

Главный герой романа, Ардальон Борисович Передонов – озлобленный, полубезумный учитель, чей образ является символом кошмарной жизни, в которой граница между нормой и отклонением размыта настолько, что одно понятие нередко подменяется другим. Как норму жизни окружающие долгое время воспринимают самые нелепые и подлые поступки Передонова, который в начале романа предстает как завидный жених, а в перспективе – педагог-инспектор. Это во многом объясняется атмосферой всеобщей глупости, царящей вокруг: «сологубовский город поистине славен своим идиотизмом; при этом его обитатели еще больше глупеют, веря всяким небылицам... Нагромождение глупости производит впечатление ее неискоренимости» (ЕРОФЕЕВ 1990: 84).

Каждый из героев романа по-своему глуп и ограничен в своих желаниях и интересах (Варвара, Володин, Рутлов, Вершина и др.). Как нравственно здоровые не могут восприниматься и персонажи, выбранные Передоновым для посещения (Скучаев, Кириллов, Авиновицкий и др.). И в целом, жители города предстают погруженными в духовную дремоту: «...шли они медленно, словно ничто ни к чему их не побуждало, словно едва одолевали они клонящую их к успокоению дремоту...» (СОЛОГУБ 1988: 95).

Неудивительно, что в этом пространстве тотальной глупости Передонова с трудом признают сумасшедшим, хотя ненормальность персонажа проявляется уже с первых страниц романа: в его параноидальной подозрительности и недоверчивости, в маниакальной заикленности на одной идее (получение должности инспектора), в извращенной тяге к издевательствам над гимназистами и т.д. Таким образом, в мире абсурда отклонение (помешательство одного из членов социума) приобретает характер нормы. Это происходит потому, что на оппозицию «норма – отклонение» наслаивается другое, не менее значимое противопоставление «мир – человек», где безумный мир также предстает не соответствующим норме.

Специфика субъектной организации в романе «Мелкий бес» заключается не только в постоянно меняющемся характере взаимоотношений

между автором и героем, что проявляется в колебании дистанции между ними, но также в использовании различных форм экспликации образа автора в тексте: от лично-нейтрального повествователя до персонафицированного рассказчика, лично участвующего в жизни города. Результатом подобной субъектной организации становится формирование в романе «Мелкий бес» такого типа нарратива, в котором границы между миром автора и миром персонажей, а также между миром персонажей и миром читателя становятся подвижными и проницаемыми. В итоге читатель оказывается сопричастным господствующей в романе Ф. Сологуба ситуации всепоглощающего абсурда.

Очевидным является переходный характер эпохи рубежа XX–XXI вв.: «в конце XX века происходит слом литературной эпохи, утеря литературоцентризма в обществе, резко меняется тип читателя и тип писателя» (ЧЕРНЯК 2008: 7). Современная социокультурная ситуация, для которой характерна проблематизация понимания нормы и отклонения, требует осмысления через опыт аналогичных эпох (например, рубеж XIX–XX вв., с которым современные писатели и литературоведы так часто сравнивают нынешнюю литературную ситуацию).

Закономерно, что в современной русской литературе тема безумия (понимаемого в узком смысле – как психического расстройства отдельной личности, и в широком – как проявления иррационального в разных его формах, как абсурдности мира и жизни) представлена в произведениях многих авторов: «Сумасшедший» А. Петрушкина, «Патологии» З. Прилепина, «Идиоты» Саши Щипина, «Юродивая» Е. Крюковой, «Легкая голова» О. Славниковой, «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова, «Принц Инкогнито» А. Понизовского, «Учитель Дымов» С. Кузнецова и др. В произведениях современных писателей причудливо переплетаются безумие и норма, реальная повседневность и тотальный абсурд.

Привлекательной для современных писателей по-прежнему остается фигура чудака, странного (курсив наш. – О.И.) человека. Одним из произведений, в центре которого – герой-чудак, является роман Н. Репиной «Жизнеописание Льва» (2021). Название произведения отсылает читателя к одному из самых популярных жанров древнерусской литературы – житию. Традиции жития прослеживаются и в сюжетной организации романа, и в принципах изображения главного персонажа, Льва Неверовского, который позиционируется в аннотации к роману как современный юродивый. Роман состоит из трех частей: «Часть 1. Лучшие годы вашей жизни» (детство Льва, его пребывание летом на даче), «Часть 2. Полная картина мира» (работа Льва в библиотеке) и «Часть 3. Боковое зрение» (последние месяцы жизни Льва). В каждой из трех частей автором выбирается разный ракурс повествования. Так, в Части 1 рассказ ведется от лица всеведущего нарратора, в Части 2 – от лица самого Льва, в Части 3 – от лица Полины, давней знакомой героя.

Образ Льва интересен тем, что в нем отчетливо проявляется относительность нормы и отклонения, размытость границы между ними. Уже с самого детства Лева – необычный мальчик, который любит «разговоры с бессловесным». Ему кажется, что всё вокруг – живое, чувствующее, испытывающее боль и радость: «Никто не может поручиться, что дверь подъезда не чувствует боли, когда ею хлопают. Или что кресло не обижается, когда в нем долго сидят. Лева старается понять их чувства. Это трудно» (РЕПИНА 2021: 9–10). Лева не любит рвать цветы, собирать грибы, ломать ветви бузины, потому что чувствует, что причиняет боль всему живому. Он настолько остро ощущает свое единство с окружающим миром, что начинает задыхаться от боли, когда вместе с мальчишками, его товарищами по дачным бузинным войнам, обламывает кисти бузины и обрывает ягоды: «Его постепенно охватывал если не ужас, то мучительное чувство, что он делает нечто противоестественное, похожее на самоубийство» (РЕПИНА 2021: 62).

Примечательно, что странности Льва заметны окружающим (соседям по даче и даже их детям, которые не хотят играть с Левой), но не заметны его маме и бабушке. Мама Левы – творческая личность, музыкант, концертмейстер, тоже живет в своем идеальном мире. Для нее Лева – замечательный мальчик, очень умный, добрый, чувствительный. Однако, благодаря тому что повествование в Части 1 романа ведется от лица объективного всеведущего нарратора, который при необходимости переходит на точку зрения любого персонажа, читатель обретает возможность и заглянуть во внутренний мир Левы, и взглянуть на него глазами других героев: соседей по даче и их детей. Так создается всесторонний портрет главного героя романа.

В Части 2 повествование ведется от лица уже повзрослевшего Льва, сотрудника библиотеки. Работа для него – счастье, потому что именно в библиотеке царит непреложный порядок. Лева по-прежнему не терпит хаоса и абсурда, не ест «убитых животных», не срезает «живые цветы» и т.п. На первый взгляд, он может показаться вполне обычным человеком, каким его и воспринимают некоторые знакомые, но удивительная глубина его души, нетерпимость фальши и лжи, следование своим собственным принципам делают Льва странным в глазах тех, кто знает его поверхностно, как, например, работающие с ним девочки-библиотекарши. Лев и сам понимает, что не нравится девушкам: «Скорее всего, из-за того, что они находят меня странным. И из-за внешности. У меня живот, и я ношу подтяжки поверх рубашек. Клетчатых или полосатых. И я похож на толстую мышь, если бы она имела высшее филологическое образование» (РЕПИНА 2021: 95).

В Части 2 происходит история, оказавшая на Льва огромное впечатление. В библиотеке он случайно узнает о поэте мандельштамовского круга Клименте Сызранцеве и начинает собирать о нем информацию. Так Лев пытается удержать «в бытии ускользающее имя» Сызранцева (РЕ-

ПИНА 2021: 98). Он даже попадает в дом-музей Сызранцева и знакомится с его потомками. Параллельно у Льва начинают выстраиваться отношения с женщиной, «чиновницей от культуры», Екатериной Ермолаевной Шутько, которая должна поспособствовать тому, чтобы квартира Сызранцева получила статус музея. Однако вдруг выясняется, что поэта Климента Сызранцева никогда не было, а вся мистификация придумана его потомками с целью сохранить квартиру, спасти дом от сноса. В шоке от случившегося, Лев открывает правду чиновнице Екатерине... Тем самым он предаёт своих новых друзей, потомков Климента Сызранцева, который никогда не был поэтом. Часть 2 романа обрывается внезапно, на трагической ноте признания Льва, в момент кульминации. Всеведущий нарратор дистанцируется от происходящего, никак не комментируя события.

В Части 3 описываются события, происходящие почти 30 лет спустя после мистификации с Сызранцевым. Повествование ведётся от лица Полины, внучки Климента Сызранцева, которая представляет собой классический образец «ненадежного» нарратора: из-за мучающей ее бессонницы Полина уже не в состоянии адекватно воспринимать реальность. Она случайно встречает Льва и пытается ему помочь, но с возрастом странность героя, его непохожесть на других людей становится все более очевидной. Он ведет себя подобно юродивому: отказывается от комфортной квартиры, от чистой одежды, подкармливает птиц и котов, избегает встреч со знакомыми. Полина думает, что Лев, увлеченный феноменом юродства, специально юродствует, примеряя на себя маску блаженного. Но это не так. Лев и на самом деле – современный юродивый, в характере которого удивительно переплетаются норма и отклонение. В романе «Жинеописание Льва оппозиция «норма – отклонение» вновь пересекается с оппозицией «мир – человек», но в больном, бездуховном мире как отклонение от нормы воспринимается добрый, ранимый, честный человек. Роман заканчивается смертью Льва, что символично: в современном жестком мире нет места юродивому, непохожему на окружающих его людей Другому.

Таким образом, понятия нормы и отклонения являются относительными: их содержание определяется рядом социокультурных и исторических факторов. Однако, при всей относительности понимания нормы и отклонения, очевидно, что одно понятие не существует без другого и каждый из членов данной оппозиции обуславливает содержание другого. Наиболее ярко аксиологический релятивизм понятий нормы и отклонения проявляется в переходные эпохи в истории человечества, когда происходит смена культурных парадигм и активизируются процессы освоения новых сфер человеческого бытия, новых знаний о мире и человеке. В свою очередь, интенсивность осмысления этих понятий в литературе провоцирует поиск новых жанрово-стилевых решений и нарративных стратегий для реализации нормы и отклонения в тексте художественного произведения.

Литература

- АРИСТОТЕЛЬ 1984 = АРИСТОТЕЛЬ. Сочинения: В 4 тт. Т. 4. Москва, 1984.
- ГОЛОВИН 2001 = ГОЛОВИН С.Ю. Словарь психолога-практика / сост. С.Ю. Головин. Минск, 2001.
- ЕРОФЕЕВ 1990 = ЕРОФЕЕВ В. На грани разрыва («Мелкий бес» Ф. Сологуба и русский реализм) // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. Москва, 1990.
- ЗМАНОВСКАЯ 2003 = ЗМАНОВСКАЯ Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. Москва, 2003.
- КАНУНОВА 1973 = КАНУНОВА Ф.З. Эстетика русской романтической повести. Томск, 1973.
- КОРДУЭЛЛ 2000 = КОРДУЭЛЛ М. Психология. Москва, 2000.
- МЕЩЕРЯКОВ 2003 = МЕЩЕРЯКОВ Б.Г. Нормы социальные // Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова. Москва, 2003.
- НАЗАРЕТЯН 2007 = НАЗАРЕТЯН А.П. Антропология насилия и культуры: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Москва, 2007.
- НЕФЕДОВА 2000 = НЕФЕДОВА Л.А. Девиации в языке и коммуникации. Москва, 2000.
- ПОЛЕВОЙ 1986 = ПОЛЕВОЙ Н.А. Блаженство безумия // Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. Ленинград, 1986.
- РЕПИНА 2021 = РЕПИНА Н. Жизнеописание Льва. Москва, 2021.
- РУДНЕВ 2005 = РУДНЕВ В. Диалог с безумием. Москва, 2003.
- СКИРБЕКК, ГИЛЬЕ 2003 = СКИРБЕКК Г., ГИЛЬЕ Н. История философии. Москва, 2003.
- СОЛОГУБ 1988 = СОЛОГУБ Ф. Мелкий бес. Москва, 1988.
- ТЮПА 2010 = ТЮПА В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. Москва, 2010.
- ТЮПА 2014 = ТЮПА В.И. Ментальные кризисы в истории литературы // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1. Гродно, 2014.
- ФАУСТОВ 1998 = ФАУСТОВ А.А. Динамика русской литературы первой половины XIX века: язык переживания, авторское повествование, характерология. Воронеж, 1998.
- ЧЕРНЯК 2008 = ЧЕРНЯК М.А. Современная русская литература. Москва, 2008.
- ЧЕРНЯК 2013 = ЧЕРНЯК М.А. Массовая литература XX века. Москва, 2013.
- ФИЛОСОФИЯ 2004 = Философия. Энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. Москва, 2004.
- BENEDICT 1934 = BENEDICT R. (1934) Anthropology and the Abnormal // The Journal of General Psychology, 1934. Vol. 10. № 1. 59–82.
DOI: <https://doi.org/10.1080/00221309.1934.9917714>

Axiological relativism of the concepts "norm" and "deviation" and its manifestation in the literature of transitional periods. The article discusses the concepts of norm and deviation, and also reveals the specifics of their con-

tent. It is emphasized that these concepts are relative and they are determined by a number of socio-cultural and historical factors. The axiological relativism of the concepts of norm and deviation is most clearly manifested in transitional eras in the history of mankind, when there is a change in cultural paradigms and the processes of mastering new spheres of human existence, new knowledge about the world and man are activated. In turn, the intensity of comprehension of these concepts in literature provokes the search for new genre and style solutions and narrative strategies for the implementation of norms and deviations in a work of art.

Keywords: norm, deviation, relativism, mental crisis, transitional period